

Гоманюк Н. Один в «поле» воин: опыт кооперации количественной и качественной методологий / Н.Гоманюк // Политическая наука. Динамика политического сознания и поведения. Сборник научных работ ИНИОН Российской академии наук. – Отв. ред. Мелешкина Е.Ю. – 2002. – С.86-102

НИКОЛАЙ ГОМАНЮК,
ассистент кафедры философии и социологии
Херсонского государственного
технического университета

ОДИН В “ПОЛЕ” ВОИН: ОПЫТ КООПЕРАЦИИ КОЛИЧЕСТВЕННОЙ И КАЧЕСТВЕННОЙ МЕТОДОЛОГИЙ

Аннотация

В статье путем сочетания качественных и количественных методов создается социальный образ украинского обывателя конца XX века. Автор рассматривает повседневный мир личности (женщина пенсионного возраста), эмпирической базой исследования которого служат документ личного характера (письмо) и личные наблюдения автора с привлечением статистических данных. В работе описаны мир повседневности и политические ориентации героини, социальные стереотипы, бытующие в современном украинском обществе, парадоксы повседневного политического сознания (в частности несоответствие вербального и реального поведения индивида, связанного с реактивностью повседневного сознания), отношение к социальным изменениям. Затронуты также экономические, религиозные, гендерные и социолингвистические проблемы.

Abstract

By combining qualitative and quantitative methods the image of an average man of the end of the 20th century is created in the article. The author examines an everyday world of a woman (retired woman). Empirical ground of the above mentioned world is a private document (a letter). Statistic data is used. The work describes an everyday world of a main character, social stereotypes, which exist in an update Ukrainian society, paradoxes of an everyday consciousness (namely, convergence of a verbal and real behavior of a person, connected with reactivity of everyday consciousness), and attitudes towards social changes. Economical changes, as well as religious, gender, sociolinguistic and political ones are broached in the article.

Противостояние макро- и микроанализа является характерным как для мировой социологии вообще, так и для отечественной политической социологии в частности. “Количественники” не желают слушать “качественников”, упрекая их в ненаучности, а “качественники” не хотят прислушиваться к “количественникам”, питая неприязнь к изрядно поднадоевшей “цифири”. “В споре побеждает побежденный” - говаривали в античном мире. Кем должен считать себя автор текста – “качественником” или “количественником”, чтобы достойно выйти из “Q-Q дискуссии”?

Социальное пространство постсоветской Украины, если начинать классически, в

результате осуществления ряда политических актов и смешения разнополярных партийных и экономических идеологий, влияния советского наследия и экспансии вульгарного варианта евро-американского образа жизни (здесь, согласно законам жанра, должны следовать заветные три буквы – и т. д.) представляет собой благоприятный субстрат для социальных изменений. Это, исходя из априорной каузальности перечисленного, привело к возникновению новых социальных институтов и моделей поведения, разнообразию в мотивации социальных действий, усложнению стратификации и увеличению социальной дистанции между стратами (и снова спасительные литеры, для разнообразия – и т.п.). Исследованию социальных изменений в Украине посвящено ряд лонгитюдных массовых опросов. Впрочем, об этом и не стоило бы напоминать, на уровне здравого смысла бессмысленно, по крайней мере. Настолько это стало естественным. Другое дело, не лишним было бы в очередной раз обратиться к знакомым, но часто забываемым, словам Чехова: “А человека-то, мы забыли!” А ведь между “несоциологами”, такими как Чехов, и современными общественными науками уже естественным стал диалог. Даже взаимный поиск. Случается – разведка боем. В результате – появляются или припоминаются альтернативные формы социологического отражения типики, индивидуального сознания в контексте данных полученных в результате опросов общественного мнения.

В массовом сознании работа социолога не редко ассоциируется только с анкетами (или еще хуже – с выборами и “серыми” политическими технологиями), назойливым “приставанием” (опять же предвыборным) к носителям этого самого массового сознания – респондентам, обилием сухих цифр в статистических выкладках и не менее сухих графиков в аналитических отчетах. Однако арсенал социологического исследования, конечно же, не ограничивается жесткими, сильно формализованными и сильно структурированными методами в рамках статистической парадигмы. Уже успели стать классическими работа американских ученых В.Томаса и Ф.Знанецкого “Польский крестьянин в Европе и Америке” (1918-1920), где значительная роль отводилась изучению текстов личностного характера – прежде всего глубинных интервью и писем, труды Д.Берто, посвященные биографическому методу. В последнее время интерес к подобному рода исследованиям усиливается и на просторах СНГ. Достаточно вспомнить “Наивное письмо” российских ученых Н.Козловой и И.Сандомирской, где проведен глубокий лингво-социологический анализ дневника жительницы провинциального города, коллективную монографию “Судьбы России: XX век”, посвященную исследованиям биографий, книгу В.Семеновой “Качественные методы: введение в гуманистическую социологию”.

Архивы социологической информации существуют в мире довольно давно – более столетия. Не является “белым пятном” в этом аспекте и Украина. Еще в начале 90-х, благодаря работе исследовательской группы во главе с Н.Паниной, были сделаны первые шаги на пути к созданию банка социологической информации. Сейчас, под руководством Е.Головахи, продолжается активная деятельность по институализации именно всеукраинского центра хранения данных социальных исследований, оптимизации его структуры, расширению его массивов.

Однако следует отметить, что массивы украинских социологических архивов включают в себя, прежде всего, информацию, полученную в результате массовых опросов, т. е. только количественные данные. При этом из архивов выпадает целый пласт не менее ценной информации, которую можно использовать как эмпирическую базу для проведения качественных социологических исследований, контент-анализа; которую необходимо сохранять, делать доступной для вторичного анализа. Это материалы личностного характера. Частично этот пробел восполняется классическими архивами, но часто они бывают либо закрытыми для широких масс, либо неудобными для социологического использования. Кроме того, в государственных архивах хранятся личные бумаги, скажем, “непростых людей”. А как же быть с обывателем? Уже сейчас

трудно “пробраться” к повседневному сознанию людей не так давно ушедших поколений. Сохранить для науки этот интереснейший пласт информации можно при помощи банков текстов личностного характера самых широких слоев населения.

Как известно, письма, биографии, дневники, фото-, видео- и аудиоматериалы, рисунки (иногда удачная графика лучше иного графика) являются ценными носителями социологической информации, в которых, как в капле воды, отражается эпоха под углом зрения их автора. Ныне, учеными-социологами достаточно много внимания отводится их изучению. Интерпретация материалов такого рода позволяет не только обогатить и разнообразить социологическую работу, но и внести в нее своеобразный колорит. Особенно в политической социологии. Хотелось бы сделать попытку представить, как воспринимается и оценивается социальная реальность “пересічним громадянином” в Украине на основе анализа одного письма (из “Банка писем” при кафедре философии и социологии ХГТУ), выяснить как это восприятие и оценки соотносятся с объективными тенденциями, в чем именно и насколько они соответствуют объективной ситуации и как эта ситуация может сказываться на жизни автора письма, чтобы вызывать такие оценки. Естественно, суждения автора письма субъективны, но они, в какой-то мере, могут помочь нам взглянуть на мир глазами не только данной личности, но и глазами социального слоя, к которому она принадлежит.

Тем более что предложенный анализ может послужить “красочной иллюстрацией”, дополнить данные массовых опросов информацией, позволяющей читателю перенестись на “место происшествия” и представить того самого чеховского “человека”, которого мы незаслуженно забыли, в его же “тарелке”. Проблему репрезентативности в нашем случае мы попытаемся решить, соотнося собственные “впечатления” со статистикой, ставя их в широкий общетеоретический контекст. В тексте присутствуют также факты из личных наблюдений автора, имеющего пятилетний стаж работы интервьюером.

Итак, письмо написано шариковой ручкой (отечественного производства), пастой синего цвета на сером, довольно помятом, нестандартном листе бумаги (отечественного производства) с обеих сторон и до конца страниц. Почерк местами плохо разборчивый. Письмо условно датируется 1996 годом. Ниже приводится исследуемый текст в полном объеме. Фамилии людей, которые упоминаются в тексте, сокращены. Здесь и далее орфография и лексика источника сохранены.

Пятница 22 вечера Херсон

Здравствуй Муся! С приветом к тебе я и Саша! Получила письмо, но не было новостей, поэтому тебе и не писала. Живем по старому, как говорится, старость не страшна, та страшны болячки. Живешь и не знаешь, что тебя ждет завтра, Саша повернулась не в той бок, и не может разогнуться, ходит боком, сердце болит, и сил нету, давит в грудях, и ногами не может ходить. Я тоже, не к черту дети замучили, да еще не слушают, я уже и “маты” на них таскаю, ну доводят до истерики, а они в ответ сама такая и все, детю 5,5 год, она уже знает что такое секс, как целуются голые и т.д. Смотрят кино, показывают всякие сексы да мексы. Мы этого раньше ничего не знали а они усе знают. Боже молоди ребята по улице шатаются некуда им податся, группами ходят по 12-13-15-18-20 лет работы нет, курсов нет, только в автобусах и троллейбусах по карманам шастают, боже что будет, что будет пропали дети. В класах не топят зимой, одетые сидят, а эту зиму будут каникулы зимой, а летом учится. У нас сейчас газ дают сколько хочешь, но зимой его не будет, так как усе уключают как будет мороз, пропали мы. Сейчас тепло малу газу используют. Свет отключают в 6 вечера до 7 часов на 1 час. Ну это ничего можно пережить а вот как будет холодно тогда будет плохо. Пенсию не давали уже 2 месяца. Строят себе дворцы, кодежи. Товары отправляют за границу, а оттуда, денег не возвращают кладуть у банки доллары. Вот такие руководители себе по 2-3 должности занимают и деньги получают а нам даже пенсии нашей заробленой не дают. Видела Надьку и

дочку с Бехтер С.-Г. та что в к-зе на пенсии а работает, говорила тепле место у нее. Умерла наша бехтерска Мария. Миргородск ее дядько и моя тетка Оксана (Ф.) что живет против тебя (где Г. жила) обедали моя сваха. То мы виделись на похороне, М. живёт возле нас не далеко. Дом красивый такой как у тебя, в доме все есть но муж мудака, противный никто ему не угодит. Он похож на К.Ив.З. нашего ст. агронома, гуляка, с поганым характером. Мария все ему годила, Слава Славочка а он как чорт, общим говно. А Марии жаль мы с ней очень близьки были, лутше сестры, которой у меня нет. Ну что тебе еще написать, заводы, в Херсоне не работают все лежит на боку, все растаскивают, работать негде, крадут воруют, пють, убивают и т.д. Дочка болеет голова не дает покоя. Заплатила 9 мил. У больнице травами лечат а оно ничего не помогает. Недай бог что с ней случится дети еще малые. А той мудака уехал и не выписался и ей сунсидий не дают ч/з него а ей платит 5 миллио за одну комнату а еще свет, та телефон 1 миллион, он только делает убытки. Если приедет будут уходить от него только от него некакой. Шуркин Сын Л. Жорка бросил жену дочку П.Ив. Ив.. скурвился а она болеет сердцем

Ну все Досвидание пиши если можешь

Прежде чем перейти к непосредственному рассмотрению вопроса о соотношении субъективного восприятия и оценок автора письма с социальной реальностью (зафиксированной в результатах исследования общественного мнения за данный период, оценках экспертов, мнениях ученых), попытаемся нарисовать социологический портрет автора этого эпистолярного источника. (Понятно, что героиня исследования не обязательно знает термины, в которых описывается ситуация.) Это - женщина пенсионного возраста, жительница Херсона, ранее проживавшая в сельской местности (о чем свидетельствует ссылка на “нашего ст. агронома”). Видимо вдова, живёт с родственницей (?) женского пола в газифицированном частном доме. Единственная дочь (находящаяся на грани развода с мужем, который в настоящий момент находится в долгосрочном отъезде, возможно на заработках – “уехал и не выписался... Если приедет будут уходить от него только от него некакой”) проживает отдельно, вместе с детьми.

При написании письма использовался русский алфавит, но язык письма русским можно назвать только с натяжкой - 47% слов идентифицируются как русские, 4% - как украинские (*поганый, годила, крадут, заробленой, та, тепле* и др.) и 49% слов идентификации не поддаются. Это слова, одинаково употребляемые как в русском, так и в украинском языках: в основном предлоги и союзы, а также имена и топонимы, жаргонизмы и ненормативная лексика. Представляется возможным сделать вывод, что в повседневной жизни эта жительница использует широко употребляемый в сельской местности юга Украины “суржик” - смесь русского и украинского языков и не испытывает трудностей при общении как на русском, так и на украинском языках. В этом случае имеет место, распространенное в Украине явление билингвизма. Точно установить этническую принадлежность носителя “суржика” затруднительно, но, учитывая то, что в Херсонской области самой многочисленной лингво-этнической группой являются русскоязычные украинцы (по данным репрезентативного опроса КМИС за 1991-1994 гг. таких насчитывалось 61-62%), то, вероятнее всего, наша героиня самоидентифицирует себя как украинку, - наверняка, прежде всего по происхождению и по признаку гражданской принадлежности. Это подтверждается и данными пресс-опроса (N=2516), проведенного херсонской газетой “Тривна” в декабре 2000 г. По его результатам 55,9% респондентов (в основном жители областного центра) отметили, что родными для них являются одновременно и русский и украинский языки, т.е. читатели не выделили ни один из них как доминирующий.

Судя по обилию стилистических и грамматических ошибок, наличию ненормативной лексики и жаргонизмов (2% слов), возрасту (она обучалась еще до

введения всеобщего среднего образования) образование автора или начальное или неполное среднее. Однакостораживает квалифицированное употребление сокращений (*и т. д., ч/з - через, к-зе - колхозе, ст. - старший*), скобок, десятичных дробей (*“детю 5,5 год”*), кавычек – *“маты”*, наличие двойной фамилии у одной из представительниц её окружения, что вносит определенное сомнение в истинность изложенной версии. Возможно, это один из отголосков послевоенного времени: женщина с начальным образованием – фармацевт районной аптеки, например, или служащая паспортного стола с теми же шестью-семью классами за плечами. В итоге в первом случае профессия успешно осваивается, и склянки с поначалу незнакомыми формулами начинаю “говорить”, а во втором - у трёх родных братьев и двух сестер оказались пускай похожие, но разные фамилии. Работа в конторе без соответствующего образования – может это выход из интерпретационного затруднения?

Жизнь героини не изобилует “светлыми полосами”. Значимые события в жизни, *“новости”* – это смерть знакомой, похороны (*“Умерла наша бехтерска Мария. Миргородск ее дядько и моя тетка Оксана (Ф.) что живет против тебя (где Г. жила) обедали моя сваха. То мы виделись на похороне”*), болезни родственников (*“Саша повернулась не в той бок, и не может разогнуться, ходит боком, сердце болит, и сил нету, давит в грудях, и ногами не может ходить”*), неприятности, связанные с деньгами - задержки социальных выплат, дороговизна медицинских услуг и коммунальных платежей. Беспокойство не ограничивается личными проблемами, в словах письма - боль о настоящем положении в обществе, и, особенно, о будущем (*“боже что будет, что будет пропали дети”*). Хороших новостей, за исключением упоминания о знакомой пенсионерке, которой посчастливилось подыскать *“тепле место”* для подработки, в источнике не встречается. Вместо традиционного американского *“That’s all right!”* привычное украинское *“бідкання”*. На фоне экономического кризиса, отрицательного прироста населения в Украине 90-х годов такое социальное самочувствие является наиболее типичным – в 1996 г. только 11,3% респондентов, опрошенных в рамках исследовательского проекта Института социологии НАН Украины были *“скорее удовлетворены”* своим нынешним положением в обществе. По законам жанра можно было бы упомянуть о политическом менталитете. В частности, о исторически сложившемся, так называемом комплексе *“меншовартості”* украинца. Но это уже скорее из области идеологии.

В отношении религиозности пишущей следует обратить внимание на 4 упоминания: 2 - бога и 2 -черта. Причем в одном случае слово *“бог”* написано с маленькой буквы, а во втором - находится в начале предложения. *“Черт”* используется в качестве негативного образа при сравнении. То есть все эти упоминания употреблены в качестве лексических оборотов и не свидетельствуют о глубокой религиозности человека, а говорят, скорее всего, о *“бытовом”* отношении к теологическим вопросам. Связывая религиозность с другими характеристиками автора письма (национальность, место проживания) можно предположить с высокой долей вероятности (следуя общей логике исследования), что она идентифицирует себя (по умолчанию) как христианка, православная, прихожанка церкви УПЦ-КП. Не смотря на рост популярности протестантских и неопротестантских конфессий на постсоветском пространстве, наша героиня, скорее всего, в силу своей консервативности, присущей, прежде всего её возрасту и мировоззрению, является приверженкой традиционной религии – веры родителей. А в отношении принадлежности к приходу Киевского Патриархата (хотя на самом деле она наверняка посещает церковь, относящуюся к юрисдикции Московского Патриархата), здесь снова таки имеет место самоидентификация по государственному признаку – мол, если мы живем в Украине, то и патриарх наш находится в столице Киеве, а не где-нибудь за границей. Это заблуждение присуще довольно внушительному количеству граждан Украины, не вникающих в конфессиональные тонкости. Так, в 1997

году 33,7% украинских граждан причисляли себя к конфессии УПЦ-КП, в то время как всего 7,8% - УПЦ-МП. Хотя по количеству приходов соотношение здесь не в пользу УПЦ-КП – по данным Государственного комитета по делам религий на 1.01.1998 г. в Украине насчитывалось 7357 общин принадлежащих УПЦ-МП и 1880 в подчинении УПЦ-КП!. Еще один парадокс повседневного сознания - несогласованность вербальной и реальной конфессиональной идентичности личности, выступающая следствием того, что политический акт принятия суверенитета на уровне повседневного сознания экстраполировался в негосударственную, религиозную сферу, накладывая отпечаток на восприятие социальной реальности.

Отступление: для того чтобы избежать недоразумений в определении переменных касающихся православной идентификации, имеющих важное социальное и политическое значение, необходимо внести коррективы в процедуры социологического измерения этих переменных и в сам процесс сбора эмпирических данных. Учитывая личный опыт работы интервьюером, могу констатировать факт того, что сторонники протестантских христианских конфессий, в отличие от сторонников православных церквей в Украине, лучше осведомлены о своей конфессиональной принадлежности. Многие из прихожан, особенно в сельской местности, посещают церковь “по инерции” и не вдаются в конфессиональные подробности. То есть “в лоб” стандартный социологический вопрос о “конфессиональной принадлежности”, “не работает”, требует ряда уточнений. Например, интервьюер должен уточнить знает ли респондент о существовании нескольких православных церквей в Украине, чем они отличаются (хотя бы примерно). Или уточнить какую он посещает церковь, а затем выяснить, в чьей юрисдикции находится эта церковь (это в большей мере подходит для сел, посёлков). Это важно, так как, (если исключить заказной характер таких “измерений”) эта ошибка влечет за собой не столько конфессиональные, сколько политические спекуляции.

Немаловажное место в письме занимает и гендерная проблематика. В отношении мужчин у автора явно сформирован негативный образ. Мужчины упоминаются 6 раз, и в пяти из всех случаев они награждаются самыми нелестными эпитетами: один из мужчин – *“гуляка, с поганым характером”*, *“мудак, противный никто ему не угодит”* и *“как чорт, общим гомно”*, второй - похожий на него (судя из контекста эта схожесть не внешняя, а в социальном поведении), третий – тоже *“мудак”*, четвертый – *“бросил жену дочку”*, а пятый – *“скурвился”*. И в одном случае упоминание нейтральное, без характеристики личности. Женщины упоминаются 12 раз и, в целом, представлены как “мученицы”, в одиночку, без помощи мужчин, несущие бремя семейной жизни, но в то же время стремящиеся угодить, пусть плохому, но все-таки своему мужу (*“все ему годила”*). Можно предположить, что супружеская жизнь автора также была наполнена аналогичным содержанием, и поэтому по-настоящему близкими людьми, для автора, являются женщины (*“мы с ней очень близки были, лутше сестры, которой у меня [к сожалению] нет”*). На фоне массовой безработицы такие суждения имеют следующий возможный социальный смысл: смена ролей в семье привела к “вынужденной эмансипации”. Если в прошлом мужчина, работавший на государственном предприятии, мог обеспечить существование всей семьи, то в изменившихся условиях, он оказался не в состоянии адаптироваться и продолжать содержать близких. Забыть эту “катастрофу” помогает алкоголь, а в худшем случае муж вообще покидает семью. Женщина при этом оказывается в безвыходной ситуации – жить-то надо как-то. Вот и приходится “выкручиваться” - подработками, мелкой торговлей, возделыванием огорода, содержанием живности и т. д. Гендерным лейтмотивом, как и в многих других случаях, выступает “утверждение о слабости, инфантильности и деструктивности русского [или украинского] мужчины”.

Основными нематериальными ценностями у автора выступают здоровье своё и здоровье близких, “теплое место”, т.е. хорошая работа (хотя хорошая работа, в данном

случае, подразумевается не в смысле творческого потенциала и интересности, а то, что она “непыльная” и, в то же время, высокооплачиваемая). Объектами материального благополучия выступают “дом красивый” в котором “все есть” (имеются в виду предметы быта, а не взаимопонимание между членами семьи, например), деньги, своевременно выплаченная пенсия. “Всё” (мебель, бытовая техника, ковры на стенах) “поглощают” нематериальное, отчасти превращаясь в него. Синкретизм материального и духовного создаёт мир повседневности не побуждающий к трансформационным (вертикальная мобильность, бунт, суицид) действиям. Границы социальной данности непреодолимы, но при этом необходимо стремиться к её заполнению, обретению заветного “всё”. Будущее автору представляется в мрачных тонах: неопределенность, неуверенность в завтрашнем дне (“живешь и не знаешь, что тебя ждет завтра”), что выступает, скорее всего, как следствие недееспособности социальных гарантий и болезней, на излечение которых нет средств, а также проблем личностного характера. Однако полной фрустрацией это не назовешь – ведь старость сама по себе ее не страшит (“старость не страшна, та страшны болячки”), то есть жизнь прожита всё-таки не напрасно.

Социальные изменения в экономической и социально-экономической сферах глубоко волнуют нашу современницу. И это не удивительно, ведь она является пенсионеркой – представительницей одной из наименее гибкой, в отношении трансформаций, и поэтому сильно пострадавшей, общности. Женщина обращает внимание на следующие экономические события. Прежде всего, коллапс промышленности – “заводы, в Херсоне не работают все лежит на боку”. Скорее всего, имеются в виду государственные предприятия. Следствием этого выступает безработица, особенно среди молодежи и преступность (см. ниже). Автор “идет в ногу” с тем большинством (41,3%), которое в 1996 г. оценило по децильной шкале экономическую ситуацию в стране на нуль баллов (очень плохая). С отрывом от одного бала в 26%.

Интересен сам эпитет “все лежит на боку”. Он свидетельствует о том, что автор фиксирует физическую целостность объектов и, в то же время, их недееспособность. Проводится как бы параллель между, скажем, лошадей, которая лёжа не работает, и промышленным предприятием. И виновен в происходящем, соответственно, пастух-хозяин, занимающийся не тем, чем нужно.

Просто-таки бедствием для автора является энергетический кризис, ведь он приводит не только к бытовым неудобствам, но и меняет устоявшийся и существовавший десятилетиями распорядок и образ жизни отдельно взятого человека и общества в целом. “В класах не топят зимой, одетые сидят, а эту зиму будут каникулы зимой, а летом учатся. У нас сейчас газ дают сколько хочешь, но зимой его не будет, так как все включают как будет мороз, пропали мы. Сейчас тепло малу газу используют. Свет отключают в 6 вечера до 7 часов на 1 час. Ну это ничего можно пережить а вот как будет холодно тогда будет плохо”.

Серьезную обеспокоенность вызывает также и задержки выплаты пенсии, (автор принадлежит к тем 62,3% украинских граждан, которые в то время получали только фиксированный доход) – 2 упоминания: “а нам даже пенсии нашей заробленой не дают”, “пенсию не давали уже два месяца”. Естественно, в связи с дороговизной, у малообеспеченных возникает потребность в дополнительных социальных льготах, и наша героиня пользуется субсидией (прямого упоминания нет, но из того, что она обеспокоена ситуацией с субсидией у дочери (“А той мудака уехал и не выписался и ей сунсидий не дают ч/з него а ей платить 5 милио за одну комнату а еще свет, та телефон 1 милион”) можно сделать такой вывод). Однако и это, вероятно, не “спасает” ее от незавидного существования – в 1997 г. 85,0% (в числе которых наверняка находилась бы и автор письма) опрошенных указали на то, что им не хватает государственной защиты от снижения уровня жизни. Снова таки упрек в сторону

нерадивого “хозяина”. Кстати, в процитированном фрагменте указывается на те неудобства, которые доставлял существующий институт прописки. Материально-статусная идентификация автора письма, вероятно, также самая распространенная в Украине – бедные (1996 г. – 57,3%). На фоне происходящих деструктивных процессов, на которых и акцентируется содержание исследуемого текста, у автора письма просто не может быть иного выбора. Оценка социальных изменений, таким образом, происходит в контексте значительного ухудшения материальных условий семьи. В 1996 г. таких семей насчитывалось 47,1%.

Акцентируется внимание также и на изменениях в медицине – *“Дочка болеет голова не дает покоя. Заплатила 9 мил. У больнице травмами лечат а оно ничего не помогает”*. В условиях экономического кризиса услуги государственных медицинских учреждений ей представляются неэффективными. В 1996 г. и 67,3% респондентов также указали на то, что за последний год медицинское обслуживание ухудшилось. Качественных изменений автор письма не фиксирует.

В последних двух цитатах автор оперирует семизначными цифрами при подсчете расходов, что свидетельствует о высоком уровне инфляции. Название валюты отсутствует. Только порядок цифры. Гордости за независимость страны, как политической ценности, не ощущается. В постсоветских странах до сих пор национальную валюту именуют по привычке не иначе как рублями. Слово “купон” – как инородное, отторгаемое тело для нашей героини. Возможно, дурная историческая память, затесавшаяся где-то в лабиринтах извилин, о стригущих купоны рантье, активно клеймимых советской пропагандой.

Самую болезненную и очевидную причину девиантного взрыва в постсоветской Украине автор усматривает снова таки в экономическом положении страны. Напомним, как она характеризует положение в стране: *“...заводы в Херсоне не работают все лежит на боку, все растаскивают, работать негде, крадут... воруют убивают и т. д.”*. Таким образом, выстраивается логическая цепочка – спад производства, разрушение материальной базы производства, безработица, преступления разной степени тяжести: (по нарастанию) воровство, убийство и что-то (“и т.д.”) невообразимо преступное – “сверхдевиация”. Результаты опроса общественного мнения, проведенного центром “Взаимодействие” на Херсонщине в этот период, указывают на схожесть степени обеспокоенности граждан данными проблемами: задержки зарплат – 58%, рост преступности – 51%, спад в экономике – 49%, рост безработицы – 47%. Следует отметить что 58% – максимальный уровень обеспокоенности, а следующий за безработицей рост цен существенно отрывается от вышеуказанного квартета – 37%). То есть и в письме и по данным опроса эти 4 проблемы расположены в компактном блоке.

Реалией современной украинской культуры является внимание к “воровской” субкультуре, особенно в молодежной среде. Атрибутами ее является соответствующий жаргон, музыка, одежда, татуировки, прическа (гостям Херсона сразу бросается в глаза обилие коротко остриженных парней в спортивных брюках и тапочках), презрительное отношение к органам социального контроля и, конечно же, девиантное поведение. Если в СССР она была теневой, то в 90-е эта субкультура окончательно фактически легализировалась, – стало дозволенным тиражирование соответствующей литературы, музыкальных записей и т. д. Соприкосновение, фиксируемое автором письма – отрицающая авторитет образования данная субкультура пользуется неспособностью института образования обеспечить надлежащее отношение к учебе и стабилизировать организацию и ход учебного процесса. Вот как пишет очевидец: *“Боже, молоди ребята по улице шатаются некуда им податся, группами ходят по 12-13-15-18-20 лет, работы нет, курсов нет, только в автобусах и троллейбусах по карманах шастают, боже что будет, что будет пропали дети. В класах не топят зимой, одетые сидят, а эту зиму будут каникулы зимой, а летом учится”*. Таким образом, автор вновь выстраивает

логическую цепочку - проблемы образования, свободное время, девиация. Автор отмечает характер девиации – воровство и праздное шатание, бродяжничество. 48,6% респондентов в 1996 г. оценили значительное ухудшение уровня социальных изменений личной безопасности. Надо полагать и наша героиня вошла бы в их число. Характеристика девиантного поведения была бы не полной, если не упомянуть страсть народную к спиртным напиткам, как известно, часто сопутствующих девиации, и являющихся вместе с нею атрибутами субкультуры бедности - *“...воруют, пьют, убивают...”* – опять же подсознательно связывает явления и делает вывод автор письма.

Одним из бьющих в глаза, в прямом и переносном понимании слова, социальным изменением, снова таки в негативном смысле, для пишущей является либерализация СМИ. Представители старшего поколения не могут свыкнуться с нынешними масс-медиа и не преминут “посудачить” о славных былых временах – отсутствия рекламы и порнографии на ТВ, обилия патриотических кинофильмов отечественного производства. Более молодое поколение воспринимает сегодняшние СМИ как должное. Возвращаемся к письму – *“...дети замучили, да еще не слушают, я уже и “маты” на них таскаю, ну доводят до истерики, а они в ответ сама такая и все, детю 5,5 год, она уже знает что такое секс, как целуются голые и т.д. Смотрят кино, показывают всякие сексы да мексы. Мы этого раньше ничего не знали, а они все знают”*. Автора беспокоит засилье на телеэкране низкопробной зарубежной видеопродукции, пропагандирующей культ насилия и половой распущенности, которая не может не отразиться на психике людей, особенно детей и подростков, условия воспитания которых, по мнению большинства населения Украины(52,3%), ухудшились. Судя по приведенному фрагменту, автор письма наверняка с ними солидарен в этом отношении.

Передел собственности, выражающийся в ограблении государства чиновниками, также имеет место на страницах письма. Как косвенно свидетельствует автор письма, причиной невыплаты пенсий является незаконное использование финансовых ресурсов пенсионного фонда должностными лицами – *“Пенсию не давали уже 2 месяца. Строят себе дворцы, кодежи. Товары отправляют за границу, а оттуда, денег не возвращают кладуть у банки доллары. Вот такие руководители себе по 2-3 должности занимают и деньги получают а нам даже пенсии нашей заробленной не дают”*. Естественно, человеку, прожившему в СССР, бросается в глаза нарочитая роскошь “новой элиты”, строительный бум запрещенных когда-то для частного употребления многоэтажных построек. Выросшим, как правило, за пределами черты города, кварталам особняков негласно присваиваются названия что-то вроде “Царского Села”. Здесь же автор определяет характер “их” деятельности – валютные махинации, международный товарооборот, “работа по совместительству” в отношении присваивании чужой собственности. То есть наша героиня – потенциальный респондент с ответом “совсем не доверяю” на вопрос: “Каков уровень вашего доверия руководителям крупных предприятий?”. (Максимальная в процентном отношении группа – 29,1% (1996 г.). Автор народной эпистолы вместе с 40,4% (большинством) чувствует также, что ее незащищенность от чиновничьего произвола с каждым годом значительно возрастает. Исходя из исследуемого материала, автор дихотомично стратифицирует общество на “простых людей” и криминализированную элиту.

В добавление к дискурсу о правящей элите можно добавить, что её представителей нет среди родственников и близких автора письма. И не потому, что она бедна, а элита зажиточна. А оттого, что она ей не доверяет. Часто респонденты на вопрос о доверии тем или иным социальным институтам, стратам (по наблюдениям автора), размышляя вслух, мотивируют свое доверие к ним тем, что вспоминают своих родственников, знакомых или земляков, имевших или имеющих к ним какое-либо отношение. “Если сват мой милиционер, так и милиции я доверяю” - вот такая несложная формула. А точнее, своеобразный “догмат о непогрешимости” родственника экстраполируемый на

его “сюзерена” в лице социального института, организации, общности, группы. То есть, на отвечая на вопрос о доверии к тем или иным социальным институтам, в том числе и политическим, респондент может давать ответ на вопрос о доверии к референтным группам.

Приведенные оценки автора письма, таким образом, указывают на то, что он принадлежит к той значительной части населения Украины, которая пребывает в плену следующих стереотипов массового экономического сознания:

Сравнительный идеал потребления материальных благ, который допускает только незначительную дифференциацию в уровнях и качестве потребления;

Представление о незаконности и аморальности нажитых больших состояний, о криминальной природе предпринимательской деятельности и эксплуататорской сущности предпринимателей;

Возлагание всей полноты ответственности за материальное благосостояние человека независимо от его собственной экономической активности на государство и официальную систему социальной защиты населения;

Таким образом, социальные изменения для автора представляются лишь в негативном свете. И не мудрено, ведь они принесли ей только трудности, социальные неудобства и несчастья. Положительных изменений она не замечает, или не желает замечать. Существующая ситуация подвергается жесткой критике, однако конструктивных решений не предлагается. И автор письма и его окружение далеки от современных поведенческих моделей.

Не упоминается также и политическая проблематика, что говорит о возможной электоральной инертности (а таких в 1996 г. было 30,4%) или протестной форме отношения к политическим событиям. Хотя здесь, возможно, сказывается то, что 1996 г. был годом относительного политического затишья в стране – президентские выборы уже состоялись, а до выборов в Верховную Раду еще целых два года. Активная предвыборная компания еще не началась. Если воспользоваться типологией культурно-исторической принадлежности индивида, составленной на основе логического квадрата по параметрам: демократия – тоталитаризм и национализм – космополитизм, то можно предположить, что такое отношение к социальным изменениям характеризует автора письма скорее как плюралистически ориентированного двуязычного украинца-сторонника коммунистической системы, т. е. представителя идеального типа, занимающего положение в ячейке, полюсами которой являются тоталитаризм и космополитизм. Ориентирован такой тип, прежде всего, на поддержку Коммунистической партии Украины (а также СПУ, СелПУ и ПСПУ). Тем более что поддержка КПУ положительно коррелирует с возрастом и отрицательно с уровнем образования, размером населенного пункта и доходом семьи [4]. Такой мировоззренческий конструкт располагает относящегося к нему индивида, с одной стороны, в зоне конфликта между социализмом (советского типа) и капитализмом (американского типа), и, с другой стороны, в зоне конфликта между национализмом и мультикультуральностью, полиэтническими установками. Судя, хотя бы, по данным выборов в Верховную Раду и Президента Украины такой культурно-исторический тип превалирует на юге Украины, и наша героиня может выступать в роли его “интерфэйса”. Это “она” обеспечит через полтора года победу “левым” силам на парламентских выборах (в Херсонской области за КПУ проголосовало – 34,5%, за блок СПУ + СелПУ – 11, 25%) и через четыре года победу кандидату от коммунистов Петру Симоненко (52,88% во втором туре, против 41,89% отданных за Леонида Кучму) на президентских выборах в Херсонской области.

Следствиями произошедших социальных изменений, исходя из письма, являются: рост преступности, чиновничий произвол, падение нравственности, массовая бедность. Переживает она их особенно болезненно – она как бы снимает “вершки” в результатах выборов и в тех ответах в рамках проектов исследования общественного мнения, где

распределение наиболее неравномерное, где прослеживаются наличие явно доминирующих общностей: “левый” электорат, бедные, недоверяющие, живущие на фиксированный доход, недовольные социальной политикой государства, чувствующие свою незащищенность, недовольные жизнью в целом и т.д.

Автор письма вынужденно оказалась в незавидной ситуации – ценности, сформированные в процессе социализации в советский период, перестали соответствовать ценностям, доминирующим в нынешнем обществе. А институт социальной защиты в государстве оказался не в состоянии помочь ей адаптироваться к новым условиям. И без того болезненные социальные процессы проходят на фоне биологических изменений – старения, что усугубляет негативизм восприятия и, возможно, частично экстраполирует его на ситуацию в стране. Ожидаемая обеспеченная старость не состоялась, а адаптироваться к новым условиям уже нет ни сил, ни возможностей, ни желания. И, по большому счету, до этого никому нет дела – судьба отдельного человека, его внутренний мир, никак не проявляются в рейтингах партий и отдельных политиков. Повсеместное отчуждение приводит к социальной дезинтеграции, “связанных, как и с ощущением недостаточной собственной способности жить в новых условиях, так и с несостоятельностью общества справедливо оценивать заслуги человека”. Автор явно не принадлежит, да и не может принадлежать, к той малочисленной группе респондентов (12,2%), которым хватает умения жить в новых социальных условиях, она лицо протестного электората Украины.

Ключевыми стратегиями восприятия социальной реальности, социальной рефлексии автора письма и в широком смысле обывателя являются индукция и экстраполяция. Примерами описанных индукций могут быть гендерные стереотипы, экономическое и политическое сознание, материально-статусная самоидентификация. Экстраполяции представлены вербальной конфессиональной принадлежностью, этнической самоидентификацией, механизмами доверия к тем или иным социальным единицам и, соответственно, механизмами их поддержки. Следуя постмодернистской традиции, сознание автора исследуемой эпистолы в силу своей фрагментарности и не может не использовать эти стратегии. Путь от понимания собственного микромира к осмыслению макромира не устлан разрозненными реальными фактами, а залит отождествлением собственного опыта с привнесенной картиной существующего “где-то за его пределами” социального мира при помощи индукций и экстраполяций.

Описанный персонаж в значительной мере содержит в себе проявления надындивидуального. Он представляет собой лицо типики и в границах региона, и в масштабах Украины. Содержание этого понятия определяется своеобразной оценкой социальных изменений и их последствий в самых различных сферах жизни общества, а объем можно определить, используя статистические данные, по социально-демографическим показателям.